

ПОДМОСКОВНЫЙ ЛЕТОПИСЕЦ

Историко-краеведческий
альманах

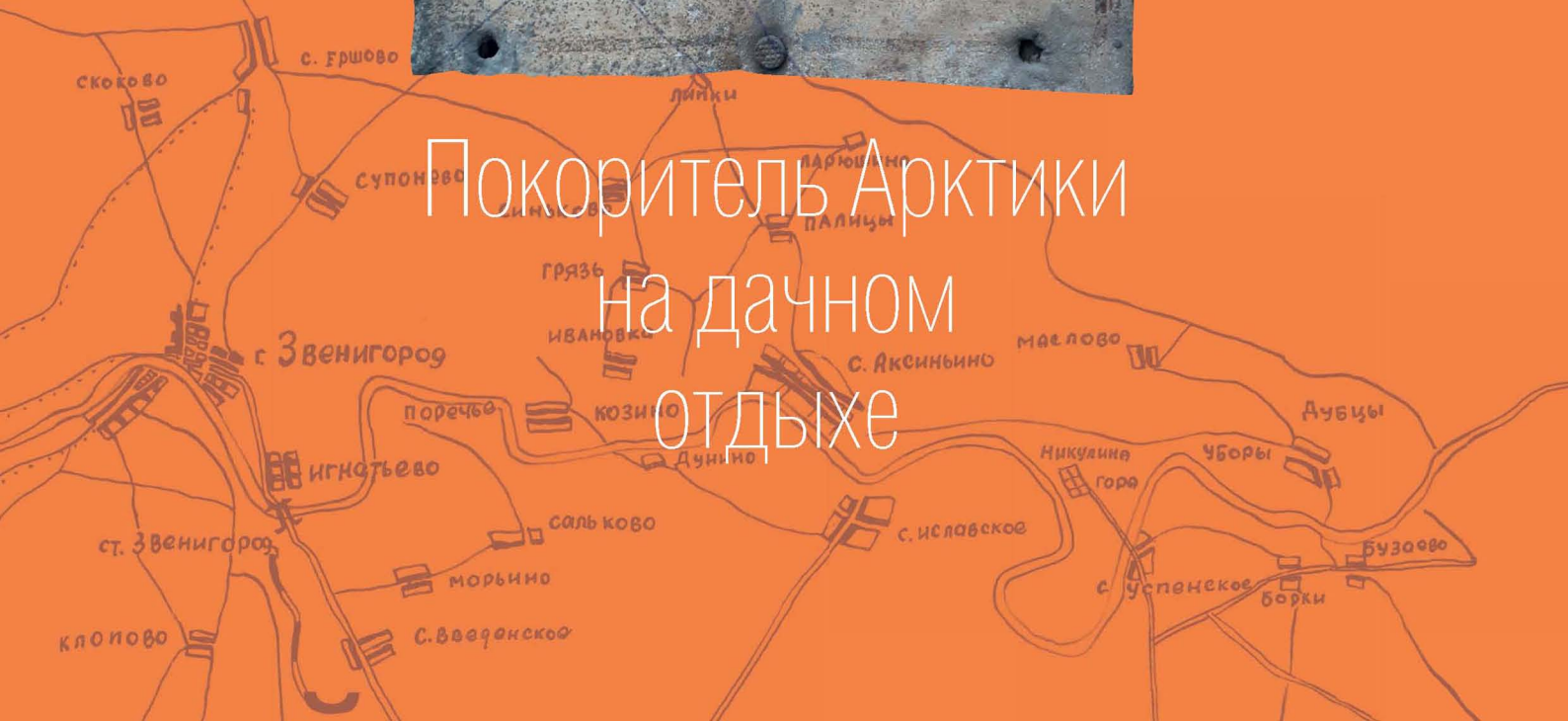
4(66)2020

Станция
Командир
и бойцы Арктики
в день тридцати
героев геологической
в Москве
Творец
жизни, войны
и. В. В. Кавказ
при восточной
суд. и. Кангал
от моряка и Крас
ного партизана
А. Д. Восемьдесят
1934

Покоритель Арктики
на дачном
отдыхе

Содержание

Родовое гнездо

2 Кирилл Левинсон
Дача Отто Юльевича
Шмидта на Николиной Горе

Малоизвестное

20 Сергей Михайлов
К этнографическим сюжетам
Подмосковья XX века:
ассирийцы по Ярославской
железной дороге

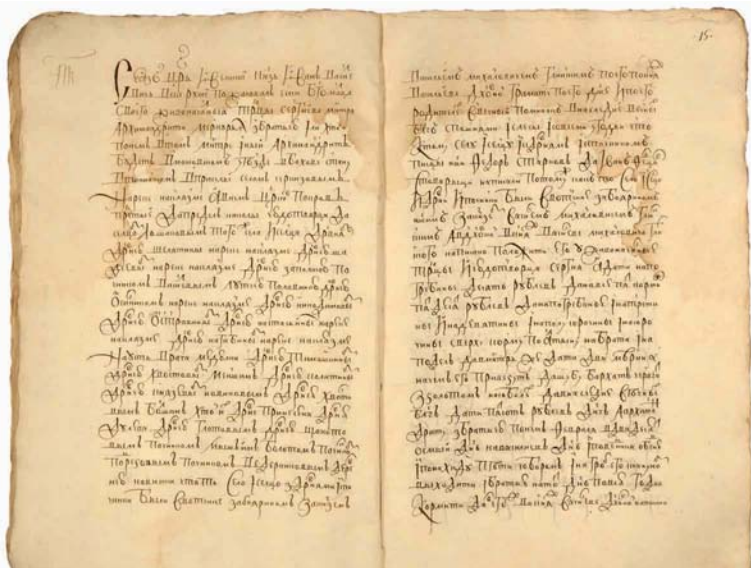

28 Михаил Воробьев
Эккендей

41 Книги-новинки

Поиски. Открытия. Находки

42 Василий Коршун
Троицкие земли и их соседи
на юге современного
Пушкинского района в конце
XVI века

Указатели Николиной Горы —
Проспект О.Ю. Шмидта, 53
Дача В.О. Шмидта

48 Лариса Комарова
Александр Суворов —
полководец и учитель

Ассирийцы
Начало XX в.
Персия

Фрагмент надгробия генерал-аншефа Василия Ивановича Суворова (1705—1775), отца А.В. Суворова у стен Рождественской церкви

Юбилей

54 Геннадий Мельничук,
Наталья Степанова
Неутомимый исследователь
Подмосковья

60 Марина Петрова
Музей смело шагает в новое
десятилетие

Список с жалованной грамоты
царя Ивана IV Васильевича
на село Черкизово и сельцо
Лошаково

ПОДМОСКОВНЫЙ ЛЕТОПИСЕЦ

Историко-краеведческий
альманах

4(66)2020

Выходит один раз в квартал.
Индекс в каталоге АО «Почта России» П 5225, ПА 365

Учредитель

ГАУ МО «Издательство «Подмосковье»

Издатель

ГАУ МО «Издательство «Подмосковье»

Выпускается при содействии Главного управления
по информационной политике Московской области

Редакционный совет

Н.С. Ватник

Кандидат исторических наук, доцент Московского
социально-гуманитарного института

В.Н. Захаров

Доктор исторических наук, заместитель директора
по научной работе Института истории РАН

А.А. Шаблин

Кандидат исторических наук, доцент Московского
социально-гуманитарного института, председатель
Луховицкого краеведческого общества

С.Ю. Шокарев

Кандидат исторических наук, доцент
Российского государственного гуманитарного
университета

Н.А. Чернышова

Председатель Союза журналистов Подмосковья

Главный редактор **С.Ю. Шокарев**

Ответственный секретарь **Н.В. Рыбалко**

Художественное оформление

А.М. Игитханян, Б.Г. Аразян

В номере использованы фотографии
А. Алексева, Н. Рыбина, С. Шокарева

Для читателей старше 16 лет

Адрес издателя и редакции: г. Подольск,
Революционный проспект, 80/42
E-mail: pletopisec@yandex.ru
<http://i-podmoskovie.ru>

Номер отпечатан ООО «Типография А2 Пресс»,
115088, г. Москва, Южнопортовый пр, 26а, стр. 12
Дата выхода в свет 21.12.2020 г.

Заказ №
Тираж 1218
Формат 60x90/8

Распространяется бесплатно
по тел.: 8 (495) 280-14-09,
podmoskovie-marina@mail.ru

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-76028
от 19.06.2019 г. выдано Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор).

При перепечатке, а также использовании
в любой форме, в том числе в электронных СМИ,
ссылка на журнал «Подмосковный летописец»
обязательна.

© «Подмосковный летописец», 2020

Родовое гнездо

Дача Отто Юльевича Шмидта на Николиной Горе

Кирилл Левинсон

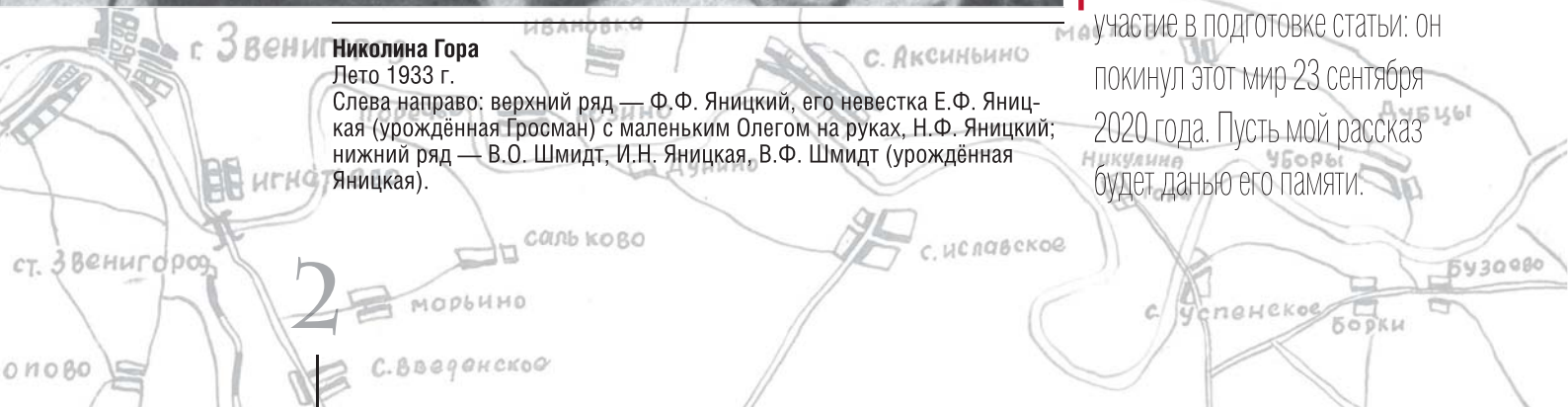
Николина Гора

Лето 1933 г.

Слева направо: верхний ряд — Ф.Ф. Яницкий, его невестка Е.Ф. Яницкая (урождённая Гросман) с маленьким Олегом на руках, Н.Ф. Яницкий; нижний ряд — В.О. Шмидт, И.Н. Яницкая, В.Ф. Шмидт (урождённая Яницкая).

Это первая семейная фотография, сделанная на только что достроенной даче.

Самый младший из изображённых на ней — Олег Яницкий, племянник Отто Юльевича, последний свидетель тех лет, когда О.Ю. Шмидт жил в этом доме, — уже не смог принять участие в подготовке статьи: он покинул этот мир 23 сентября 2020 года. Пусть мой рассказ будет данью его памяти.

О.Ю. Шмидт
Лето 1937 г.
Николина Гора

Существуют как минимум две разные истории, объясняющие возникновение дачного посёлка на Николиной Горе. Одну из них человек, весьма авторитетный в этом вопросе, — писатель Александр Степанович Яковлев (Трифонов), один из отцов-основателей кооператива, — изложил в своей речи на вечере, посвящённом 25-летию посёлка. Согласно ей, идея строительства дачного кооператива в Подмоскovie возникла у него и его друга, когда они узнали, что в начале 20-х гг. XX в. крестьяне в деревнях совсем рядом с Москвой по-прежнему моются в печках, как в XVII веке: они решили тогда построить «культурный дачный посёлок с банями, со всякими удобствами»¹. Главная функция задуманного ими товарищества заключалась, таким образом, в распространении культуры быта.

Другую версию автор этих строк слышал от своего деда Владимира Оттовича Шмидта², который в момент появления замысла ещё пребывал в младенческом возрасте, но позже тесно общался со всеми первыми никологорцами и помнил их рассказы о первых годах жизни на Николиной Горе. Эта версия гласит, что, по изначальному замыслу, основной функцией дач должно было стать улучшение питания московских работников науки и искусства путём самостоятельного ведения мелкого сельского хозяйства. Здесь будет отдано предпочтение именно этой версии.

Итак, согласно преданию, бытующему в семье потомков Отто Шмидта, в самом начале 1920-х гг.,

**Дача
О.Ю. Шмидта**
Современный
вид

Дача Отто Юльевича Шмидта
на Николиной Горе

Копия плана
церковной
земли церкви
Николы Чудо-
творца
1767 г.

несмотря на введение новой экономической политики, многим учёным и творческим работникам жилось очень голодно, так как предпринимательством они не занимались, а их зарплата для покупки продовольствия по рыночным ценам часто не хватало. Центральная комиссия по улучшению быта учёных (ЦЕКУБУ) не могла обеспечивать их всем необходимым и поддержала идею, возникшую у адвоката П.П. Лидова, писателя А.С. Яковлева, экономиста А.В. Чаянова и группы их единомышленников: создать в сельской местности под Москвой кооператив, с помощью которого представители московской интеллигенции хотя бы частично сами обеспечивали себя продовольствием. Так и родился посёлок, где кроме дач имелись огороды, курятники, ферма и прочие сельскохозяйственные угодья.

На этом расхождении между двумя версиями заканчиваются. Несколько забегая вперёд заметим, что ни бань, ни устойчивого эффективного сельскохозяйственного производства на Николиной Горе на протяжении большей части её истории так и не было. Зато возникли примечательная во многих отношениях жизненная среда и не менее примечательное сообщество дачников, о которых донныне ходят легенды, пишутся книги и снимаются фильмы.

Итак, летом 1921 г. устав кооперативного товарищества был принят, власти отнеслись к затее благосклонно, инициаторам было предложено определить с местом для посёлка. Они выбрали участок земли к

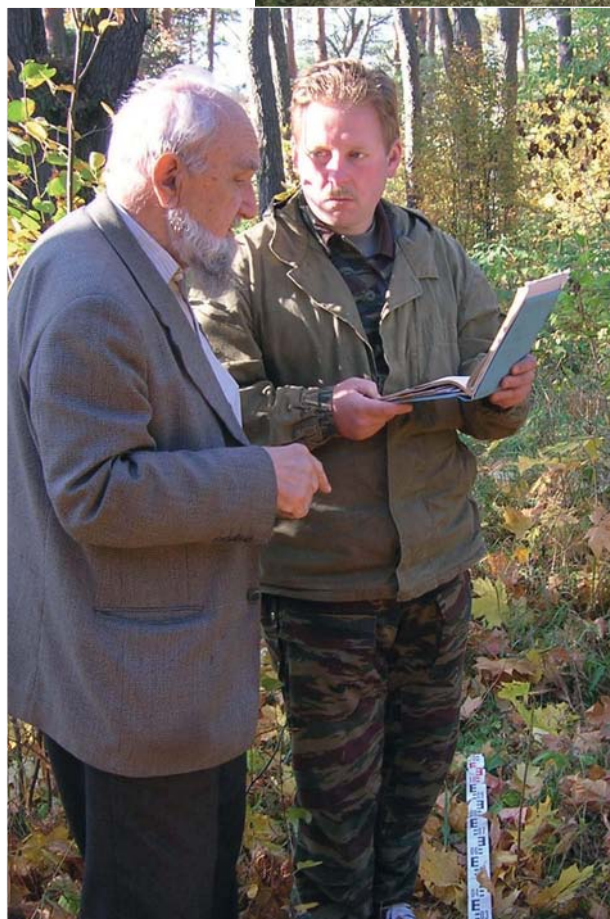
западу от столицы в районе деревни Барвиха. Однако созданию там дачного кооператива воспротивились местные крестьяне, потребовавшие отдать эту землю им, поэтому пришлось искать дальше. Новое место было найдено неподалёку, в районе Жуковки, над рекой, но и там повторилась та же история. Инициаторы отправились дальше вверх по течению Москвы-реки и нашли третье место, в Липовой роще, рядом с селом Знаменское. Строительство началось, но в 1925 г. этот участок был реквизирован для правительственных нужд, и дачникам пришлось переезжать. Четвёртое место они нашли ещё ближе к Звенигороду, на высоком холме на левом берегу Москвы-реки, где когда-то располагался храм (по другим сведениям — монастырь) Николы на Песку, а при нём кладбище и несколько домов. Там в 1619 г. митрополита Филарета, возвращавшегося из польского плена, встретили посланные его царственным сыном из Москвы князь Трубецкой, окольничий Бутурлин и митрополит Сарский Иона. Четыре года спустя погост сгорел, храм был перенесён в соседнее село Аксиньино, и к началу 1920-х гг. от его построек и от сельца ничего не осталось. Сохранилось лишь название холма — Николина Гора. Крестьяне окрестных сёл не имели здесь никаких интересов и не протестовали против того, чтобы на Николиной Горе поселились дачники.

Так весной 1926 г. на Николиной Горе был создан кооперативный дачный посёлок, который продолжал носить изначальное, ещё из прежних мест принесённое, название «Хуторок», а потом (в 1929 г.) был переименован в РАНИС (сокращение от «Работники науки и искусства»).

Участки — сначала их было 40 — были довольно крупными, по одному гектару. На такой площади можно было бы разбивать огороды, способные прокормить весь год большую семью, но довольно быстро стало понятно, что место это для сельского хозяйства малопригодное: песок — не самая плодородная почва, а сосновый бор красив, но даёт мало солнечного света. По рассказам николюгорцев, огороды позволяли, в лучшем случае, дополнять меню зеленью, редиской или луком в летнее время, а то и вовсе было осмысленнее не перекапывать землю, а собирать для зелёных щей дикорастущие крапиву и щавель. О крупных заготовках на зиму речь не шла. То же самое касалось и плодовых деревьев: на нескольких участках имелись яблони, кусты малины и смородины, но в целом, по словам одного из современников, «садоводство на Николиной Горе не процветало»³. Многие николюгорцы держали тогда кур и домашний скот. Но о полном самообеспечении не было и речи.

Однако по сравнению с голодным 1921 годом времена изменились. Крестьяне из окрестных сёл Аксиньино, Иславское, Маслово вскоре открыли для себя новый дачный кооператив как прекрасный рынок сбыта тех излишков сельхозпродукции, которые они теперь, в условиях НЭПа, могли продавать: он был гораздо ближе, чем город или станция железной дороги — всего три версты. К тому же клиентура была посто-

**Надгробия
XVI в. с Николь-
ского погоста**
Фотография
А.В. Алексеева

**В.О. Шмидт
и археолог
А.В. Лазукин**
Фотография
А.В. Алексеева

янная, с предсказуемым составом и объёмом спроса. А горожане были рады возможности покупать свежие продукты. Так наладились прочные экономические связи между дачниками и селянами, просуществовавшие на протяжении нескольких поколений. Последние аксиньинские зеленщицы привозили овощи внукам и правнукам основателей кооператива ещё в начале XXI в. По воспоминаниям О.Н. Яницкого⁴, племянника О.Ю. Шмидта, в 1930-е гг. жившего ребёнком на Николиной Горе, «из окрестных деревень приходили наниматься нянками девочки-подростки ... В тех же деревнях нанимали работников, которые клали печи, копали погреба, строили сараи, ремонтировали, убирали, оставались сторожами на зиму»⁵.

Сами же николгорцы, с одной стороны, пользовались такими выгодами новой жизни (а помимо свободной торговли нэп стал временем, когда были

реабилитированы многие атрибуты дореволюционной дачной культуры: от «мещанских» цветочных клумб и кресел-качалок, игры в крокет и теннис, до катания на лодках, домашнего музицирования и т.д.). С другой — они осуществляли социалистическую программу преобразования быта⁶. Для внедрения общественного питания в кооперативе работала столовая, для коллективного воспитания детей — летние детские группы (для дошкольников и для младшего школьного возраста). В центре посёлка был построен «Коммунальный Городок», в который входили коммунальный дом с магазином, конюшни, здание для фермы, гараж (кооператив приобрёл грузовик, затем автобус) и «общественная веранда» — клуб, в котором регулярно проводились культурно-массовые мероприятия, работали художественные и хореографические секции под руководством профессиональных педагогов. Появились в кооперативе и спортивные секции, служившие, однако, не просто развлечению, а спортивному воспитанию молодёжи. Они существуют и поныне. Кроме того, специалисты, поселившиеся на Николиной Горе, особенно врачи и юристы, в соответствии с программой распростра-

нения культуры оказывали безвозмездную помощь жителям окрестных деревень.

Отто Юльевич Шмидт — в то время ещё не знаменитый полярник, «академик и герой», а профессор математики и сотрудник сразу нескольких советских ведомств, включая президиум ЦЕКУБУ, при котором был создан кооператив, — был знаком со многими первыми никологорцами и не только знал о создании кооператива, но и, возможно, приложил руку к одобрению проекта. Он с женой и сыном бывал на Николиной Горе в гостях у Калашниковых и Чаяновых, но

и конференций). Продовольственный вопрос в семье Шмидтов остро не стоял, так как они имели право получать обеды в столовой Совнаркома, а отдыхать семья выезжала, насколько позволяла занятость, в санатории и дома отдыха. Таким образом, утилитарной ценности для Отто Юльевича дача в таком кооперативе, как РАНИС, казалось бы, не могла иметь. Но и ему, и его жене, и их подростку сыну очень понравилась Николина Гора — и место, и сообщество.

Постепенно идея приобретения дачи на Николиной Горе, павшая, как зерно в почву, выросла и окре-

Фрагмент карты Звенигородского района 1954 г.

сам в первые годы не вступал в РАНИС, хотя друзья, уже построившие себе дачи на Николиной Горе, его неоднократно призывали последовать их примеру. Что касается самообеспечения продовольствием, то можно предположить, что если бы Отто Юльевич принялся за сельскохозяйственную обработку дачного участка, то до какой-то степени преуспел бы. У него имелся соответствующий опыт — в детстве он помогал родственникам в полевых работах во время летних каникул, которые проводил на мызе своего деда в Латвии, а в гимназические и студенческие годы жил в Киеве в доме с садом, за которым вся семья ухаживала под руководством матери Отто, имевшей талант и пристрастие к садоводству. Правда, ни в одном рассказе об О.Ю. Шмидте не говорится, что он от своих предков перенял эту любовь к работе на земле. Всё, что мы знаем о нём в послереволюционные годы, характеризует его как человека сугубо городского, очень занятого (на протяжении 1920-х гг. он временно или постоянно занимал около полутора десятков административных постов, вёл занятия в Московском лесотехническом институте и 2-м МГУ, а также был делегатом множества съездов, конгрессов

пла: в 1931 г. Шмидт вступил в кооператив РАНИС и получил большой участок над рекой, слева от дороги, проходящей через весь посёлок. Он писал жене Вере Фёдоровне⁷, отдыхавшей в это время вместе с сыном Владимиром (близкие называли его Волик или Волк) на Украине: «А теперь ты меня будешь ругать, но что же делать! На Николиной Горе распределяются последние 4 участка, и больше не будет. Я не утерпел и закрепил за собой один. На всякий случай. Когда осенью съедемся, решим окончательно. Деньги можно будет вернуть. А меня очень соблазняет изумительный воздух и красивая местность. «Наш» участок уже не у реки (таких больше нет), а в густом лесу, высоко. Впрочем и до реки недалеко. Там у них теперь хорошая столовая, так что дома даже не варят»⁸.

Отто Юльевич намеренно взял крайний на тот момент участок: ему нравилось, что с двух сторон забором шёл «ничей» лес, и именно в дальнем краю участка, вблизи границ, за которыми никто не жил, он и рассчитывал поставить свой дом. Но поток желающих вступить в кооператив не иссякал, и вскоре к посёлку были опять прирезаны новые территории. Ради сохранения своего крайнего положения Шмидт

О.Ю. и В.Ф. Шмидты на верхнем балконе дачи 1934 г.

Резные наличники дачного дома

Чугунная литая водоразборная колонка

даже произвёл хитроумный обмен территориями с Н.А. Семашко⁹, который получил участок позже него: по воспоминаниям В.О. Шмидта, «Отто Юльевич угорюрил Николая Александровича взять участок от [границ дачи] Вересаева до нашего строящегося дома, а границу нашего участка отодвинули дальше в сторону Аксиньино»¹⁰. Вскоре весь лесистый склон до подошвы горы оказался занят, и у Шмидта всё же появился сосед с другой стороны — академик Савельев¹¹.

В распоряжении семьи Шмидта таким образом оказалось около гектара земли; примерно половина участка располагалась на крутом склоне, спускающемся к Москве-реке, а остальная часть — тоже на склоне, более пологом, спускающемся к Аксиньинскому болоту. Вдоль фронта, выходящего к дороге, пролегал овраг (раньше дорога проходила по нему). Перенести дом снова вглубь, подальше от дороги и

от соседских дач, уже было невозможно: дачных домов на склонах или в двух уровнях тогда в этих краях ещё не строили. Только потом, при строительстве гаража, когда у Отто Юльевича появилась служебная машина, от этого правила отступили. Гараж поставили значительно ниже основного дома, на склоне горы и одновременно на краю оврага, так что все его стены имели разную высоту, и приходилось с помощью специального ровика отводить от него дождевую и талую воду, которая стекала вниз по склону и грозила гараж затопить. Размеры гаража были рассчитаны так, чтобы внутри него помещалась представительская автомашинка с полностью открытыми дверцами (в 1970-е гг. туда помещались рядом два «Москвича»). Над ним было оборудовано скромное жильё для шофёра. Впоследствии оно было переделано в две комнатки с верандой и кухней, и всё сооружение приобрело тот облик, который можно видеть в кинофильме Г. Шенгелия «Стрелец неприкаянный» (та самая дача, где находится портал в прошлое). Сейчас гараж обветшал и непригоден для использования, но его ещё можно увидеть, если заглянуть через забор.

Итак, дом был возведён на самой верхней, ровной части участка. Этот сруб 1928-го года постройки был закуплен управляющим РАНИСа в Вологодской губернии (которая на момент его вывоза в Подмоскowie уже стала областью). Мы не знаем, был ли дом изначально построен там на продажу или же кто-то в нём раньше жил¹². Сруб представлял собой обычную одноэтажную деревянную избу из толстых брёвен, с печкой-голландкой на четыре комнаты. Окна с красивыми резными наличниками — сравнительно небольшие, к тому же с толстыми переплётами, из-за чего в комнатах, особенно в столовой, мало света. Полумрак особенно усугубляется тем, что в 1945 г. стены были обиты фанерой: лак, которым она была покрыта, со временем сильно потемнел, и стены приобрели тёмный коричневый цвет. Поэтому в столовой даже днём обычно горит лампа под абажуром, который уже в послевоенные годы расписала художница Элли Ивановна Вульф¹³. И по этой же, видимо, причине не существует ни одной фотографии, сделанной внутри дома при жизни О.Ю. Шмидта: фотографы-любители не пользовались вспышкой, предпочитая делать снимки на улице, при естественном освещении.

Мы не знаем, кто был архитектором дачи Шмидта и даже был ли при её строительстве кем-нибудь начерчен какой-то проект. Но по чьей-то воле вместо обычной двускатной крыши сделали ломаную щипцовую, вместо чердака оборудовали полноценный второй этаж, на который ведёт внутренняя лестница. К торцу дома, смотрящему на дорогу, пристроили кухню с кирпичной дровяной плитой, а к западной боковой стороне — два больших балкона один над другим: открытый верхний балкон служил крышей для большей части нижнего. На оба балкона можно было попасть как из дома, так и по лестницам с улицы. Так крестьянское жильё превратилось в дачу с её типичными архитектурными элементами. Подобных

Столовая

гибридов на Николиной Горе несколько. Да и в других дачных посёлках, строившихся в 1920–1940-е гг., — НИЛ на Истре, Переделкино, Мозжинка и т.д. — даже дачи, строившиеся по индивидуальным проектам, зачастую имели ту же принципиальную схему: сруб по образцу русской избы плюс терраса, веранда, балкон с остеклением или без¹⁴.

Первое время в доме был минимум удобств. Воду брали из глубокого колодца, прорытого на участке (расстояние до водоносного слоя составляло около 30 метров). Он был засыпан позже, после того как на рубеже